

19. Федотовский Н. Тормоз неравенства // Эксперт. 2015. 1–7 июня. С. 36.

20. Черных Е. За потоком беженцев в Европу стоят преступные синдикаты // Комсомольская правда. 2016. 27 января – 3 февраля. С. 2.

УДК 416.7

В.А. Ковалев

**«Странные сближения»: социокультурная динамика
Питирима Сорокина и схожие оценки
«кризиса нашего времени»**

В статье используются идеи социокультурной динамики Питирима Сорокина для анализа кризиса нашего времени. Делается попытка сравнения этих идей со взглядами таких русских мыслителей, как Лев Гумилёв, Даниил Андреев, Владимир Мартынов. Делается вывод об актуальности разработок Сорокина в условиях современного кризиса.

Ключевые слова: кризис, социокультурная динамика, конец эпохи, чувственная суперсистема, циклы истории, Питирим Сорокин, Луис Крёбер, Владимир Мартынов, Лев Гумилёв, Даниил Андреев.

V. Kovalev. «Strange convergence»: socio-cultural dynamics of Pitirim Sorokin and similar «crisis of our time»

This article uses the ideas of social and cultural dynamics Pitirim Sorokin to the analysis of the crisis of our time. An attempt to compare these ideas with the views of such Russian thinkers as Lev Gumilev and Daniil Andreev, Vladimir Martynov. The conclusion about the relevance of Sorokin developments in the current crisis.

Keywords: crisis, sociocultural dynamics, the end of an era, the sensual supersystem, the cycles of history, Pitirim Sorokin, Louis Kroeber, Vladimir Martynov, Lev Gumilev, Daniil Andreev.

Вновь обращаясь к имени знаменитого социолога, имя которого недавно присвоено нашему университету, хотелось бы не просто «отдать дань уважения», но подчеркнуть именно актуальность сорокинских взглядов в наши дни при очередном и явном обострении мирового кризиса. Не будучи специалистом именно «по Сорокину», считаю, что нужно подходить к его идеям не только в историческом ключе. И одна из попыток такого рода уже была нами однажды предпринята, когда мы решили использовать сорокинский анализ социологии революции применительно к сегодняшним реалиям [4]. Особенно актуальной эта тема показалась нам в связи с истерией вокруг так называемых цветных революций, «оранжизма», «майдана» и поиском выхода из нынешних политических тупиков.

Снова обратившись к наследию П.А. Сорокина и не претендуя на соперничество со знатоками в изучении работ и архивов русско-американского мыслителя, мы все же позволим себе взять ещё одну из ярких сорокинских идей, касающуюся кризиса нынешней «культурной суперсистемы» и сопоставить ее со схожими, на наш взгляд, подходами других оригинальных и самобытных русских авторов. При всей оригинальности и неповторимости их взглядов и биографий общая тревога за состояние современной культуры и перспективы цивилизации очень сильно этих мыслителей сближает.

Это именно «сближения», а не выстраивание строгой последовательности, заимствований и тем более взаимных ссылок и «индексов цитирования», словом всей той позитивистской «квантофрении» (это словечко любил сам Питирим Александрович, иронично характеризуя увлечение математической и прочей формализацией при явной потере содержания). Вообще, позитивизм, неплохо работающий в спокойные времена, не очень надежный помощник в эпохи кризиса, в которые приходилось жить П. Сорокину и приходится выживать и нам. Так что здесь не строгая последовательность, а скорее интуиция в пушкинском смысле.

«Бывают странные сближения...» – эта пушкинская фраза взята из черновых заметок о поэме «Граф Нулин», написанных

в 1830 году в Болдино, неплохо характеризует изложенный здесь материал. Да, именно «сближения», связанные со схожими интеллектуальными реакциями на глобальный кризис, а вовсе не прямые связи и сети последователей, которые, к примеру, прослеживает в своем грандиозном труде Р. Коллинз [5], или «перекрестные опыления» и т.п.

Хорошо известно, как сам Сорокин видел картину нынешнего состояния, связываемого им с кризисом так называемой чувственной культуры и типичного для нее типа человека: «освобожденный от всех запретов сверхчувственных ценностей, чувственный человек, как самоубийца, убивает чувственного человека, его гордость и достоинство, его ценности и достояние, его комфорт, удовольствие и счастье. В этом шквале необузданных чувственных страстей чувственная система в целом разбивается на куски и исчезает» [9, с. 504].

Основополагающую причину нынешних проблем Питирим Сорокин видел в грандиозном кризисе нашего времени: «настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это кризис форм социальной, политической и экономической организации, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это кризис почти всей жизни, образа мысли и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий» [9, с. 429].

П.А. Сорокин, разрабатывая свою социокультурную динамику, в объяснение причин кризиса нашего времени предложил грандиозную картину сменяющих друг друга культурных суперсистем. Переход от одной к другой сопровождается наступлением «времени перемен» (о котором предупреждали китайские мудрецы), и такие эпохи «межцарствий» крайне тяжелы для жизни человека и общества.

Выдающийся американский культур-антрополог Альфред Крёбер, характеризуя сорокинскую теорию, отмечал: «Анализ сорокинской хронологии, как и приведенных характеристик, с полной ясностью показывает, что его «идеациональная сверхсистема» соответствует раннему, или восходящему, периоду роста культур; чувственная сверхсистема – их зрелости и упадку; идеалистическая форма совпадает с кульминацией (особенно в искусстве и философии), а бессвязно-эклектическая – с межцарствиями, или тёмными веками между эпохами великих культур» [6, с. 893].

Исходя из этого подхода можно с большой долей уверенности утверждать, что нынешний социокультурный кризис снова означает это мучительное «межцарствие» и втягивание в новые «темные века».

Именно в тревоге за судьбу нашей цивилизации ввиду вплотную подступивших к ней опасностей можно видеть один из важных источников творческой эволюции Питирима Сорокина, определившей направление его научного творчества и причудливые зигзаги «долгого пути» его жизни. И в этих мучительных метаниях попыткой выбора между «да» и «нет», стремлении дать ответ на вызовы кризисного времени Сорокин, конечно был далеко не одинок. Среди сотен (а скорее тысяч) имен авторов, размышлявших об угрозе глобальной катастрофы и т.п., мы намеренно выбрали очень несхожих между собой (и ярко контрастирующих по стилю мышления и изложения с Сорокиным) мыслителей, которые тем не менее пришли к выводам, схожим с теми, что изложены в «Социокультурной динамике» и «Кризисе нашего времени».

Да, симптомы этого кризиса, схожий с сорокинским портрет эпохи, рисуют другие оригинальные авторы, очень далекие от русско-американского социолога по своим воззрениям, жизненным обстоятельствам и интеллектуальным особенностям: писатель и мистик, поэт и визионер Даниил Андреев, историк и географ, а также талантливый литератор Лев Гумилёв, философ-композитор Владимир Мартынов. Их интуиции сближает

не прямое заимствование и наследование, а именно реакция на кризисную эпоху.

Так, Даниил Андреев – поэт и философ, мистик и узник Владимирского централа, где ему являлись грандиозные видения, автор знаменитой «Розы мира» выделял в истории «красные» и «синие» эпохи. В андреевской историософии есть идеи, очень схожие с концепцией смены культурных суперсистем у Сорокина. Андреевым был написан роман «Странники ночи», за который он и его друзья были подвергнуты жестоким репрессиям и рукопись которого была уничтожена гебистами. После освобождения, незадолго до своей преждевременной смерти, Даниил Леонидович успел восстановить только первую главу, поэтому «Странников» мы знаем только в изложении. (Заметим, что рукописи все же горят, и если допустить, что советская интеллигенция могла бы в своё время прочесть «Странников ночи», а не увлеклась бы повально «Мастером и Маргаритой», то, возможно, постсоветская история пошла бы несколько по-иному. Вообще, заметим также, что многое в нашей истории идет не так именно по причине, что интеллигенция читает не то, но в данном случае не только она в этом виновата.)

Так вот, в романе Даниила Андреева «Странники ночи» (уничтоженном после ареста органами МГБ) один из главных героев, выражающий авторскую позицию, развивал теорию чередования в истории «синих» и «красных» эпох. Наступлению «синей» эпохи соответствует высокий уровень духовности общества. В соответствии с общей концепцией Андреева реки духовности, разливающиеся в эти периоды по равнинам человечества, берут истоки на горных вершинах духа метакультур. Тогда расцветают искусства, меняется отношение человека к миру, а философы размышляют о нравственности и этике государственной власти. Но приходят иные времена, и наступает «красная» эпоха, вызывающая к жизни «трезвый, реальный взгляд на вещи»; утилитарный, узкопрагматический подход приводит к вспышке эгоцентризма, к опасному во всех отношениях ускоре-

нию технического прогресса, к противостоянию человека и природы; этому способствует череда подмен, касающихся в первую очередь этики и нравственности. На этом фоне вызревают тоталитарные режимы, обостряются межнациональные, межгосударственные, межрелигиозные противоречия, политизируются искусство и наука. В такие периоды реки духовности мелеют, уходят под землю, яркие краски жизни выцветают. Образуется своеобразное духовное подполье [10].

Сам Андреев, как и узкий кружок его друзей и широкий круг почитателей, – это, безусловно, люди «синей» эпохи, заброшенные в «красные» времена и вынужденные мучительно спасаться «внутренней эмиграцией» и противостоять довлеющим над ними обстоятельствам. Но нам здесь важно то, что в этой метаисторической и художественной концепции можно явно увидеть параллель с «идеациональной» и «чувственной» сорокинскими системами, а также провалами в массовое одиночество и жестокое варварство, связанное с распадом одной их эпох. Важно и то, что как П. Сорокин, так и Д. Андреев неоднократно подчеркивали, что никогда элементы одной системы не доминируют полностью, что наряду с господствующими тенденциями всегда есть зародыши чего-то иного, что и оставляет надежду на новое возрождение после очередного страшного «темновековья». Жизнь и творчество самого Д.Л. Андреева были яркой тому иллюстрацией.

Лев Николаевич Гумилёв, еще один сталинский узник (можно сказать, что тоже жертва мирового социокультурного кризиса), развил чрезвычайно спорную, но ставшую широко известной в нашей стране теорию «пассионарности», делая упор на «космические» и биологические аспекты этногенеза. Когда пассионарная энергия этноса иссякает, наступает время «субпассионариев». Портрет «суба» довольно непригляден: «Субпассионарий полагает, по собственной несокрушимой логике, что будущего никто предвидеть не может, так как он, получатель хлебного пайка и зритель цирковых представлений, не умеет делать прогнозы на основании вероятности. Поэто-

муон делит получаемую информацию на два сорта: приятную и неприятную. Носителей второй он делает своими личными врагами и расправляется с ними при каждом удобном случае» [1, с. 284].

Ничего не напоминает? Именно субпассионарии внизу и вверху сейчас практически равнодушны к подступающему кризису и всем предупредительным «звоночкам» и вою тревожных сирен. Пока могут, они получают какое-то удовольствие от своего бессмысленного существования и по-своему правы, так как сами по природе своей они ничего не могут сделать в условиях надвигающихся бед. Когда подступает фаза обскурации, усилия и предупреждения активных одиночек уже не в состоянии спасти потерявший энергию и гибнущий этнос. Интересно, как «географический детерминист» Л. Гумилёв связывал эти явления с процессами, происходящими в области культуры: «культуры, созданные этносами и изучаемые археологами, переживают первых и вводят в заблуждение вторых, заставляя их отождествлять творение с творцом и искать аналогии между вещами и людьми. Это искушение тем более опасно, что по уходе пассионариев из популяции там остается много людей, еще больше вещей и некоторое количество идей. Так культура, как свет угасшей звезды, обманывает наблюдателя, принимающего видимое за существующее» [1, с. 298]. Современная культурная жизнь (особенно «постмодерн») и социальная динамика, ведущая систему к распаду, это именно «свет угасшей звезды», который делает менее заметным или вовсе маскирует приближение новых «темных веков» идейным и структурным «межцарствием».

Это можно рассматривать как важную корректировку для выкладок «культурных детерминистов». К примеру, для многих нынешних «этносов» или социальных образований характерно проедание огромного культурного капитала прошлых эпох. Но ни современный Запад с его «толерантностью» и гей-парадами, ни деградирующая Россия с запредельными для некогда великой державы государственным бессилием на фоне

коррупции и нищеты, внутренних и внешних угроз не могут справиться с этими нарастающими инволюционными процессами.

Хорошо пишет об этом один из самых оригинальных современных мыслителей композитор Владимир Мартынов. Приводя в пример уничтожения по чиновничьему произволу еще одного крохотного «очажка» культуры, он пишет: «... в России вообще ничего не нужно. Ей нужно только одно – сдавать под аренду освободившиеся площади» [7, с. 134]. Фактически наш своеобразно мыслящий современник «постсовременности» говорит о разливе по всей Московии «субпассионарности» (хотя не употребляет сам этот термин и не ссылается ни на Гумилёва, ни на Сорокина). Вот нынешний пример схожих интеллектуальных реакций.

В отличие от многих этот композитор-постмодернист вполне серьезно отнесся к предсказаниям жрецов майя о конце света (если, конечно, к постмодернистам применимо выражение «вполне серьезно») и считает, что конец уже благополучно наступил, хотя многие этого и не заметили. А Мартынов заметил: «Как-то раз в самом конце лета 2013 года я смотрел в окно на проплывающие мимо последние летние облака и думал о том, что вот уж скоро минет год, как 21 декабря 2012 года настал конец света, предсказанный календарем древних майя, однако, несмотря на то, что все прекрасно знали об этом и с разной степенью напряженности, недоверия и веры ожидали приближения этого момента, так до сих пор никто и не понял, что в указанный срок конец света действительно наступил» [7, с. 8]. И дело, конечно, не в датах и «жрецах» с их «предсказаниями», а именно в оскудении культурной энергии и конце эпохи. За точку отсчета можно взять хоть 2012-й или какой-нибудь другой рубеж. Автор этих строк, например, разбирая политические аспекты кризиса, оперировал еще одной знаковой датой – годом, прославленным Д. Оруэллом и Х. Мураками (их знаменитые романы «1984» и «1Q84») [3]. Но здесь, разумеется, мы имеем дело не с четким рубежом, а с протяженным и

размытым фронтиром, переходом из времени определенной культурной эпохи в межкультурное безвременье, «выстуживанием» смысла и обесмысливанием существования. Ссылаясь на тибетского ламу, философ-композитор считает, что «если принять во внимание, что наша Земля вместе с Солнечной системой движется вокруг центра Галактики по космическому пространству со скоростью 230 000 километров в секунду, то вполне возможно допустить, что в этом своем движении она может пересекать пространства с разной плотностью присутствия материи...Земля действительно вошла в галактическую нулевую полосу, только сделала она это не 21 декабря 2012 года, а гораздо раньше, ибо имя этой галактической нулевой полосы – современность. Современность – это такое состояние человечества, когда оно не способно ни на какое мощное действие и когда его единственным уделом становится немощь» [7, с. 59]. Речь идет не о современности как Модерне, а именно о растянувшемся «сегодняшнем дне» и «невестьсот каком годе» творческой немощи нынешней цивилизации и глобальных угроз для потерявшего истинный смысл жизни «человеиника» (словечко А. Зиновьева).

Влияют ли на это загадочные космические факторы, на которые ссылались Гумилёв, Мартынов и тибетский монах, или это следствие изменения «потерянных» после Великой войны поколений или чего-то ещё, но факт остается фактом. Как и некоторые пронизательные умы, П.А. Сорокин в своем понимании мирового кризиса наших дней ощутил и понял очень многое. Схожие идеи, как видим, развивались очень далекими от него мыслителями. Тем внимательнее, повторим, надо относиться к этим «ценным признаниям» Питирима Сорокина и изучать его наследие в историко-архивном, музейно-мемориальном ключе, а также как актуального современного автора.

Здесь хотелось бы отметить еще один важный момент. Будучи довольно известным американским социологом (Гарвард и пр.), Питирим Александрович Сорокин был и остается именно оригинальным *русским* мыслителем, прозрения которого

органично вписываются в идейный ряд других великих русских «чудаков», некоторые имена мы здесь назвали. Что касается Америки, то конечно Sorokin очень много сделал для развития американской социальной науки, и Р. Мертон называл его «гигантом социологической мысли», но потом профессор пришелся «не ко двору» и был заметно подвинут в своей профессиональной карьере. На несколько десятилетий на социологическом олимпе утвердился нелюбимый им Т. Парсонс. Странно было бы ожидать иного, ведь по своему духовному складу Сорокин не был американцем. Так, например, он много усилий и лет потратил на разработку концепции так называемого творческого созидательного альтруизма [2]. Наивно спрашивать, могла ли претендовать на широкий успех эта теория в обществе рациональных эгоистов с их жестким прагматизмом и «протестантской этикой». Зато в популярные тренды русской мысли многие идеи Сорокина вписываются очень хорошо, что мы и попытались показать в своем кратком очерке. Но, разумеется, значение идей Сорокина выходит далеко за национальные рамки и имеет мировое значение с точки зрения оценки перспектив и надежд на будущее. Ведь «созидательный альтруизм» коррелируется с новой эпохой, если, конечно, до нее удастся дожить. Напомним здесь слова самого П.А. Сорокина: «Борьба между силами когда-то бывшего творческим, но теперь уже почти истощившегося чувственного порядка и только еще зарождающимися творческими силами нового – идеационального или идеалистического – порядка непрерывно происходит во всех сферах общественной и культурной жизни. Окончательный исход этой борьбы во многом будет зависеть от того, сумеет ли человечество предотвратить новую мировую войну. Если силы умирающего чувственного порядка развяжут эту войну, то вся еще остающаяся у них энергия пойдет на то, чтобы положить конец или хотя бы сильно затормозить творческий прогресс человечества. Если эту апокалиптическую катастрофу удастся избежать, то тогда зародившиеся творческие силы приведут человечество в новую величественную эру

его истории. Какая из этих альтернатив осуществится – зависит от каждого из нас» [8, с. 886–887].

Со времени написания этих строк количество угроз не уменьшилось, а уровень «пассионарной» энергии как будто снизился. Но пример жизненного и творческого опыта самого Питирима Александровича Сорокина, а также судьба его идей помогают укрепиться нашим надеждам. Труды Сорокина были востребованы и будут востребованы именно в переломные, кризисные годы. Сейчас кажется невероятным, но полвека назад Запад столкнулся с массовыми молодежными выступлениями – против угрозы всеобщего уничтожения, против ненужной войны в жарких краях у чужих морей, против произвола, коррумпированности и жестокости власти. Конечно, в этом движении было много «пены», провокаций и глупости, была опасная мода на наркотики, некритичное увлечение ультралевыми идеями, подрыв моральных устоев и пр. Но это не отменяет воспоминаний о нравственном идеализме и здоровом стремлении к тому, что Сорокин называл созидательным альтруизмом. В этой связи вспомним про лозунг на значках некоторых протестующих против запретов и давления студентов: «Sorokin lives».

«Сорокин жив» именно потому, что живы и актуальны его идеи.

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990.

2. Долгов А.Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социс. 2014. № 9. С. 104–113.

3. Ковалев В.А. 2012 как 1984? Российские трансформации и политический кризис // Политическая наука. 2012. №1. Два десятилетия трансформации современной российской политики / ред.-сост.: Л.Н.Верченев, В.А.Ковалев. С. 31-50.

4. Ковалев В.А. Русская «Смута» как предмет социологии революции П.А. Сорокина: воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин:

новые материалы к научной биографии: сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 168-192.

5. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

6. Крёбер А.Л. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004.

7. Мартынов В. 2013 год. М.: Классика XXI, 2016.

8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

10. Человек синей эпохи: (Послесловие к первому изданию «Розы Мира»): Цит. по материалам форума: URL: <http://rmvoz.ru/forums/index.php?topic=1830.0>

УДК 008+130.2

В.В. Муравьев

Философия и социология религии в трудах П.А. Сорокина

Исследования П.А. Сорокина в области религии имели целью раскрытие, постижение смысла, законов, направления, движущих сил, основных этапов религиозной истории человечества и методов ее изучения, настоящего состояния религиозной сферы культуры и ее будущего.

Ключевые слова: религия, типы культуры, принципы этики.

V.V. Muravev. Philosophy and sociology of religion in the works of Sorokin

Studies of PA Sorokin in religion were intended disclosure, comprehension of meaning, laws, trends, driving forces, the main stages of the religious history of humanity and the methods of its study, the present status of the religious sphere of culture and its future.

Keywords: religion, culture, types, principles of ethics.